

Шолохов ел.

1985 ижев

М. А. Шолохов, 1985, Битков

В декабре 1965 г. М. А. Шолохов встретился со студентами факультета славистики Упсальского университета. Он рассказал о начале своего творческого пути, о работе над «Тихим Доном», ответил на вопросы собравшихся. Мне довелось сопровождать Михаила Александровича в его поездках по Швеции, быть в ряде случаев его переводчиком, и у меня сохранилась запись этой живой, непринужденной беседы. Для печати она подготовлена мною совместно с научным сотрудником Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР М. А. Айвазяном.

Е. РЫМКО

М. А. ШОЛОХОВ. Если говорить о том, как я начал писать, то сначала это были короткие рассказы или новеллы, как хотите, а до этого некоторое время я работал журналистом. За «Тихий Дон» я взялся, когда мне было двадцать лет, в 1925 году, во всяком случае, тогда, когда никого из вас еще на белом свете не было.

Поначалу, заинтересованный трагической историей русской революции, я обратил внимание на генерала Корнилова. Он возглавлял известный мятеж 1917 года. И по его поручению генерал Крымов шел на Петроград, чтобы свергнуть Временное правительство Керенского. За два или полтора года я написал шесть — восемь печатных листов... Потом я почувствовал, что-то у меня не получается. Читатель, даже русский читатель, по сути дела, не знал, кто такие донские казаки. Была повесть Толстого «Казаки», но она имела сюжетным основанием жизнь терских казаков. О донских казаках, по сути, не было создано ни одного произведения.

Быт донских казаков резко отличался даже от быта кубанских казаков, не говоря уже про терских, и мне показалось, что надо было начать с описания вот этого семейного уклада жизни донских казаков.

Я родился в хуторе Кружилино станицы Вешенской. Почти всю жизнь провел я там и живу до сих пор в той же местности. Естественно, что впечатления детских лет, постоянные невольные наблюдения за жизнью и бытом моих однокурсников давали мне живой материал для воссоздания мирной эпохи на Дону.

Таким образом, я, оставив начатую в 1925 году работу, начал сюжетно с предвоенных лет, с описания семьи Мелеховых, а затем так оно и потянулось.

Роман я окончил (я писал его пятнадцать-шестнадцать лет) уже накануне войны. Считаю, что «Тихий Дон» — наиболее крупное мое произведение, для меня оно имеет особое значение потому, что и много времени положил, и сделал все, что мог, чтобы ознакомить и своих, русских, читателей, и зарубежных с трагической историей донского казачества в годы революции.

Вот как будто бы и все. Это предварительно. Если у вас будут ко мне какие-либо вопросы, я с радостью отвечу. Если я что-нибудь сохранил, здесь присутствует первый редактор «Тихого Дона» товарищ Лукин, который меня поправит. (Смех).

Я думаю, что форма вопросов-ответов — это наиболее живая форма, а читать вам лек-

цию и не имею возможности, да и считаю, что вы и без меня уже достаточно ученые. (Смех).

Прошу... Михаил Александрович, разрешите вас вот о чем спросить. В истории советской литературы, вышедшей на Западе, профессор Струве пишет, что вы полужаказ. Там написано, что ваша мать казачка, а отец — нет.

— В какой-то мере это верно. Вот это меня и интересует.

— Дело в том, что моя мать (она сама украинка) вышла замуж за казака и рано овдовела. Потом она жила с моим отцом, как это говорится, гражданским браком, не венчанные были. Сколь я родился, а она была, так сказать, вдовой, я по формуляру числился казаком, имел пай земли, все привилегии казаки. Затем отец меня усыновил, уже после моего рождения они перевенчались с матерью, и «по документам» стал я уже русским. Вот такова история.

— Так, значит, вы русский или казак? (СМех)... Я бывал на Дону, я родился на Терее.

— А, вот как! И я знаю, кто такие казаки. По крайней мере, терские казаки спрашивали: ты русский или казак?

— У нас таких людей называли иногородними. Вот я — иногородний. По отцу я крестьянин Рязанской губернии Зарайского уезда. Вот такова моя генеалогическая линия...

Видите ли, если говорить вообще об этом, то я вам должен рассказать такой эпизод. У одного моего товарища родился сынишка, подросток уже, стал разговаривать. Когда у него спросили: «Ты чей — папин или мамин?» — как обычно спрашивают у ребенка. — Или нянин? — он ответил: «Я всешний», то есть принадлежу всем. Это детское такое — «всешний». Таким образом, и я в какой-то мере всешний, потому что мать украинка. И даже один украинский поэт в мой адрес написал: «Колы у тебе мати українка — ти України рідний син». Так что я и украинец, и русский, даже казак, только не швед, к сожалению. (Смех).

— Что вы сейчас пишете? — Я заканчиваю первую книгу романа о войне. Роман называется «Они сражались за Родину». Замышлен он как трилогия... Для того чтобы помочь аудитории раскатыться, я в нескольких словах рассказываю об этом. Дело в том, что роман я начал писать в сорок третьем году, будучи военным корреспондентом, находясь на фронте. Обстановка тогда была такая, что не до романов. Нужны были короткие очерки, короткие статьи, хроникерские заметки. Но когда я вернулся домой после окончания войны и демобилизации, за мной еще

лежал долг: я не закончил роман «Поднятая целина». Я оставил тогда роман о войне, закончил «Поднятую целину» и, таким образом, с неким промедлением уже вернулся снова к материалам о войне. — Я читала недавно «Тихий Дон» в последней редакции. Меня интересует вопрос о различных редакциях «Тихого Дона»: подвергся ли роман большой переработке или переработка была небольшая?

— Этот вопрос как раз обращен к товарищу Лукину. Он редактор, ему и книги в руки.

Ю. Б. ЛУКИН. Мне очень трудно исчерпывающе ответить на этот вопрос. Когда я познакомился с Михаилом Александровичем и имел счастье вместе с ним готовить текст романа для издания — а это прои-

шли в обиходную речь донских казаков от времен еще непосредственного общения с татарами. Затем, что касается исправлений, то, видите ли, писатель оказывается иногда в таком положении. Приведу курьезный эпизод, оставшийся у меня в памяти. «Тихий Дон» уже выдержал несколько изданий, и вот в той части, где белая армия эвакуируется в Турцию из Новороссийска (надо сказать, что мне приходилось изучать материалы по истории гражданской войны двусторонним образом: кроме личных наблюдений и личных впечатлений, естественно, я пользовался архивами — нашими, советскими архивами, но, чтобы не попасть в просак, использовал и материалы зарубежные,

следующем издании я показываю Юрию Борисовичу <Лукину> это письмо и говорю: «Слушай, надо исправлять». Так что исправления шли по многим путям... Писатели, особенно в таком сложном предприятии, как роман, ни в какой мере не гарантированы от ошибок — и частных, и более крупных.

— О реальной основе «Судьбы человека»: есть ли такой человек в действительности и мальчик такой?

— В свое время, когда Льву Николаевичу Толстому княгиня Волконская написала письмо и спросила у него, кто является прототипом князя Болконского, Толстой ей ответил, что он не фотограф, что он не обязан придерживаться протокольной

писал... Разговаривал он со мной как с шофером, он не знал, что я писатель. Может быть, <иначе> он так открыто и не говорил бы со мной, ему просто надо было излить душу, и, пользуясь временной задержкой там, у этой речки, мы с ним побеседовали. А для меня это послужило темой рассказа.

Ю. Б. ЛУКИН. Михаил Александрович, можно добавить несколько слов к ответу на этот вопрос?

М. А. ШОЛОХОВ. Конечно.

Ю. Б. ЛУКИН. Дело в том, что, мне кажется, этот вопрос связан с типизацией в искусстве. Михаил Александрович уже сказал, что разговор между ним и этим случайно встреченным человеком был действительно, но ведь тот-то разговаривал не как с писателем, а как с шофером. И когда рассказ вышел в газете, а затем отдельным изданием, мы все ждали, что этот человек откликнется. И действительно думали: жив ли он? А потом нам пришла в голову мысль, что он мог почувствовать нечто

каря. Фамилию даже называли: дед Воробьев. И он выступал с ансамблем, очень лихо плясал, действительно похож был на деда Щукаря, но выяснилось, что дедом Щукарем его стали называть после опубликования романа. (Смех).

М. А. ШОЛОХОВ. К этому я еще могу добавить одну любопытную деталь — к деду Воробьеву, а не Щукарю. Он крестьянин, с крестьянской хитринкой, такой сметкой. Он приехал в Москву, он уже считал, что он Щукар, и даже показывал: вот у меня ранка на губе есть от крючка, и он использовал не во вред себе этот визит в Москву с ансамблем: познакомился с маршалом Буденным, получил от него какой-то подарок, вообще по-крестьянски воспользовался случаем, и приехал домой страшно довольный. Потом спрашивал у меня: «Ты, дескать, ничего, не возражаешь, если я вот так еще раз поеду?». (Смех).

Продолжая ответ на ваш вопрос, я должен сказать, что у меня часто спрашивают: был ли прототип Григория Мелехова. Уже здесь, в Стокгольме, я видел телепередачу: шведы ездили в Вешенскую — говорили с дочерью Ермакова. Был такой казак, военная биография которого была сходна с биографией Мелехова. Но семейный быт! Празда, я допустил одну неосторожность: Полюшка, дочь Григория Мелехова, действительно как бы списана с Пелагеи Ермаковой. Она очень смущенно отвечала на вопросы вашего шведского журналиста: да, вот это мой отец... Но жизнь и быт не его: ни Наталья не была, ни Аксинья не было. Это уже художественный домysel. Так что военная биография сходна, а, так сказать, в общих чертах жизнь — это уже художественный домysel.

Точно так же и с территорией: какой хутор можно назвать Татарским? Я могу указать целый ряд таких хуторов. Но я был бы целиком связан, если бы сказал, что это хутор Семеновский — все бы ехали в этот хутор и искали бы там героев романа. И нужно было навести тень на плетень, как говорят. Вот так. Но исторически существовавшие лица, такие, как Корнилов, Деникин, Краснов, Подтелков, — тут я не отходил от истины. И если в текст романа попадали биографические черты, то они полностью совпадали с действительностью.

— Я в шведской газете читал, что вас спросили где-то о Бабеле и вы сказали, что встречались с ним и были дружны. Было ли это? И когда вы с ним встречались?

— Это было во времена Горького. Горький у нас был неким объединяющим началом. В его квартиру на Малой Никитской обычно приезжали писатели, скажем, из Ленинграда, просто жили у него в доме. Дом был просторный, гостям хозяин всегда был рад... Там я встречался с Бабелем. Я не могу назвать себя близким другом Бабеля, но, во всяком случае, мы с ним были в очень приятных отношениях.

Студенты горячо поблагодарили М. А. Шолохова за беседу и пожелали ему творческих успехов.

ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ

В ПОИСКАХ
ИСТИНЫ?

В журнале «Наш современник» (№ 5, 1985) опубликована статья С. Шешукова, в которой, в частности, идет речь о заседании ученого совета филологического факультета МГУ, где обсуждалась диссертация по творчеству М. А. Шолохова.

С. Шешуков утверждает, что на этом заседании я vaciциал так называемую «концепцию отщепенства» Григория Мелехова. Но дело обстояло совсем наоборот.

Фонографическая запись заседания совета (хранится на филологическом факультете МГУ) свидетельствует, что я отнес эту концепцию — цитирую запись — к «существенным ошибкам в шолоховедине» и полностью солидаризировался с учеными, упрекавшими нашего соискателя в том, что он слишком робко спорит с ней. И далее: «решиительность, с какой выступавший здесь профессор Бириков осуждает «теорию отщепенства», обоснована его глубокими суждениями, серьезными работами».

Вот такова моя позиция на том заседании ученого совета.

Из статьи С. Шешукова следует, что в свое время он дезинформировал М. А. Шолохова о моем выступлении на заседании совета, а теперь вводит в заблуждение на этот счет читателей «Нашего современника».

Свою статью С. Шешуков озаглавил «В поисках истины». Истины ли?!

П. А. НИКОЛАЕВ,
член-корреспондент
АН СССР

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье С. Шешукова высказаны претензии и к «Литературной газете»: она, мол, обходит молчанием споры вокруг образа Григория Мелехова, а будь они вынесены на «популярные страницы», истина наверняка восторжествовала бы.

Конечно, нам небезразлично признание авторитета «Литературной газеты» и, возможно, стоило бы прислушаться к предложению автора статьи «В поисках истины». Но возникает опасение: а что если в предлагаемой С. Шешуковым дискуссии будут использованы методы полемики, продемонстрированные им на страницах «Нашего современника»? На пользу дела это явно не пойдет.

СОВАВТОР — ЖИЗНЬ

Архив
«ЛГ»

Из беседы
Михаила Шолохова
со шведскими
студентами

зошло первый раз в тридцать втором году. — Михаил Александрович уже перерабатывал и первый том, и второй. Там были довольно значительные изменения, серьезным образом улучшавшие текст, потому что прошло сравнительно много времени с момента опубликования первого издания, а Михаил Александрович работал над текстом все время. От года к году выходили новые издания. Появились новые части романа, новый том романа, уже последний: четвертый. И работа над текстом продолжалась. Михаилу Александровичу читатели присылали много писем, отмечали отдельные неточности, высказывали свои соображения, пожелания, и все это он учитывал. По моему, произошел, собственно, один несчастный случай в истории текста романа: в издании, которое вышло в 1953 году, редактор совершенно произвольно изменил текст в ряде мест. Это издание, по моему, надо считать просто спорным. Впоследствии Михаил Александрович вернулся к тексту, пересмотрел его, попросил и нас, принимавших участие в подготовке прежних изданий, просмотреть текст заново. С тех пор «Тихий Дон» вновь выходит в своем естественном виде.

М. А. ШОЛОХОВ. К этому я могу добавить, что мои исправления шли по двум линиям... Я постепенно, понемногу освобождался от местных речений, потому что вначале ими злоупотреблял, наивно полагая, что вся Россия знает, как говорят у нас на Дону. А там у нас много привнесено было слов татарского происхождения, например «майдан». Многие слова заимствованы и во-

в частности «Очерки русской смуты» генерала Деникина, воспоминания генерала Краснова, бывшего донского атамана, и массу других, повременных изданий, которые выходили во Франции и в Англии, вообще всюду за рубежом), так вот, рисуя эвакуацию Донской армии, я упомянул, что на рейде стоял английский линкор «Император Индии». И, наивно полагая, что он оснащен примерно так же, как наши линкоры, я поинтересовался, порывшись в литературе, а потом написал нечто сумняшное, что линкор дал бортовой залп из двадцатидюймовых орудий. Вам понятно то, что я говорю?.. Спусти два года я получаю письмо из Севастополя, кажется, от бывшего офицера царского флота, капитана первого ранга, который пишет: «Вы допустили ошибку: «Император Индии», английский линкор, бывший на вооружении в Британии, был оснащен не двадцатидюймовыми орудиями, а восьмидюймовыми. Потрудитесь исправить». При

М. А. Шолохов в издательстве «Тиден», Стокгольм, 1965 г.

правды, что он свободный художник и он волен, взяв какой-либо прототип, формировать его по своему усмотрению. Примерно так же можно ответить на этот вопрос. Мне встретился скиталец с мальчиком, биография его почти во всем схожа с биографией Андрея Соколова, военная биография, и под живым впечатлением я и написал рассказ. Тут мной руководило еще одно желание: я автор больших произведений, мне хотелось просто проверить себя — не разучился ли я писать короткие рассказы? И поэтому я взял наиболее трудную форму — форму повествования от первого лица, где диалог почти отсутствует... А такой человек мне встретился, и, признаюсь, я не знаю ничего о его судьбе. Вероятно, он умер, потому что он бы себя узнал в Андрее Соколове и мне бы на-

очень близкое себе, но не догадаться, что это о нем. После вышел фильм. Может быть, человек и не прочитал книжку, но фильм наверняка посмотрел бы. И опять, как я знаю, он не отозвался.

М. А. ШОЛОХОВ. Не отозвался.

Ю. Б. ЛУКИН. Значит, опять-таки он или умер, или еще не узнал себя в образе, который увидел на экране. И это вполне объяснимо, хотя гораздо чаще встречается обратное. На Дону во многих станицах есть люди, которые совершенно убеждены, что, скажем, Кондрат Майданников в романе «Поднятая целина» написан именно с них. Как-то приехал в Москву ансамбль донских казаков, и даже одна московская газета сделала ошибку, сообщив, что с ансамблем приехал тот самый дед, который явился прототипом образа Щу-